

Майкл Джексон

*Жизнь
короля*

РЭНДИ ДЖ.

ТАРАБОРРЕЛЛИ

18+

Иконы мировой музыки: жизнь по ту сторону сцены

Рэнди Тараборрелли

Майкл Джексон. Жизнь короля

«ЭКСМО»

1991, 2003, 2004, 2009, 2010

УДК 785:929(73)
ББК 85.318(3)-8

Тараборрелли Р.

Майкл Джексон. Жизнь короля / Р. Тараборрелли — «Эксмо», 1991, 2003, 2004, 2009, 2010 — (Иконы мировой музыки: жизнь по ту сторону сцены)

ISBN 978-5-04-252556-8

Исчерпывающая биография короля поп-музыки, безупречное исследование и блестящее повествование — уникальный подарок для настоящих ценителей творчества Майкла Джексона! Почему после всех этих лет мы все еще так очарованы Майклом Джексонем? Дело в его впечатляющем таланте? Разумеется, отчасти в нем. Его голос мгновенно узнаваем, как и фирменная «лунная походка». Сказать, что Майкл невероятно преуспел в своей карьере — значит, признать очевидное. Однако, каким бы выдающимся и легендарным ни было его мастерство, именно его личная жизнь интересовала многих гораздо сильнее. Эта книга — плод более чем 30-летнего исследования и сотен эксклюзивных интервью с самым близким кругом семьи Джексонов, включая самого Майкла при жизни. Прорываясь сквозь все бульварные слухи и сплетни, автор стремится понять, каким человеком на самом деле была эта икона музыки. Книга включает в себя закулисную историю многих вех в жизни Джексона: его юридические и коммерческие баталии, его браки с Лизой Мари Пресли и Дебби Роу, его страсти и пристрастия, его дети, его безвременную смерть. • Задавались ли вы вопросом: что, черт возьми, этот мальчик сделал со своим лицом? • Что вы почувствовали, когда впервые услышали, что его обвиняют в педофилии? О жизни и карьере Майкла Джексона было сказано и написано так много, что отделить этого человека от мифа стало почти невозможно, и эта книга — искренняя и объективная попытка разобраться во всех перипетиях жизни легенды, увидеть за гламурным образом, богатством и славой обычного человека, которому тоже были нужны поддержка и любовь. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 785:929(73)

ББК 85.318(3)-8

ISBN 978-5-04-252556-8

© Тараборрелли Р., 1991, 2003, 2004,
2009, 2010

© Эксмо, 1991, 2003, 2004, 2009, 2010

Содержание

Вступительное слово	8
Часть первая	10
Вступление	10
Джозеф и Кэтрин	13
Начало	15
Джозеф бьет Майкла	19
Забираясь на вершины	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Дж. Рэнди Тараборрелли Майкл Джексон. Жизнь короля

*Эта книга посвящается памяти
Майкла Джозефа Джексона
1958–2009*

*Почему бы просто не сказать людям, что я пришелец с Марса.
Скажи им, что я ем цыплят живьем и исполняю танец вуду в полночь.
Они поверят всему, что ты скажешь, потому что ты репортер. Но если
бы мне, Майклу Джексону, пришлось произнести: «Я пришелец с Марса,
я ем цыплят живьем и исполняю танец вуду в полночь», люди бы сказали:
«О боже, этот Майкл Джексон сумасшедший. Он слетел с катушек.
Нельзя верить ни единому его чертову слову».
Майкл Джексон в интервью Джону Рэнди Тараборрелли, сентябрь
1995 года*

Серия «Иконы мировой музыки: жизнь по ту сторону сцены»

Michael Jackson: The Magic and the Madness

Copyright © J. Randy Taraborrelli, 1991, 2003, 2004, 2009, 2010

«This edition published by arrangement with Dorie Simmonds Agency LTD and Synopsis Literary Agency». Тараборрелли, Дж. Рэнди.

Перевод с английского С. Минасян

БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

© С. Минасян, перевод на русский язык, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Вступительное слово

Я впервые встретил Майкла Джексона, когда мы оба были детьми. The Jackson 5 только что выступили в конференц-центре Филадельфии субботним вечером 2 мая 1970 года – впервые после подписания контракта с Motown Records. Для мальчиков наступило бурное время; Майкл был юным одиннадцатилетним парнем, который пытался со всем этим справиться. Я помню его тогда, счастливого и влюбленного в жизнь. Но кое-что случилось... мы оба выросли, хотя и очень разными.

В восемнадцать лет я переехал в Лос-Анджелес, чтобы начать карьеру писателя, и регулярно брал у него интервью для статей в журналах. Я отчетливо помню день, когда написал «Майклу Джексону исполняется двадцать один год». Затем было «Майклу Джексону исполняется двадцать пять», «Майклу Джексону исполняется тридцать» и множество других публикаций, посвященных знаменательным событиям, а также материалов о талантливых членах его семьи. По мере того как он вырос, я с растущим беспокойством и замешательством наблюдал, как из симпатичного маленького черного ребенка Майкл превратился в... того, кем он является сегодня. Как журналист и частый хроникер жизни артиста я должен был каким-то образом разобраться в происходящем, соединяя кусочки пазла вместе, чтобы увидеть, насколько они подходят человеку, которого я знал в недавнем прошлом. Благодаря нашим многочисленным встречам я могу доподлинно сослаться на его мнение о событиях в его жизни и карьере.

В 1977 году, когда я приехал в дом Джексон в Энсино, штат Калифорния, чтобы взять интервью у семьи, Майкл вошел в комнату с повязкой на лице; ему тогда было девятнадцать. Я помню, как встревожился. Тогда я подумал, что слухи о том, что отец, Джозеф, избивал его, могут быть правдой, и эта мысль терзала меня много лет. На самом деле, как я позже узнал, он тогда перенес вторую из множества пластических операций.

В другом интервью, сразу после возвращения Майкла со съемок фильма «The Wiz» в Нью-Йорке в 1978 году, он сказал, что у него есть кое-какие «секреты», которые он предпочитает мне не сообщать, добавив, что «у *каждого* есть глубокие, темные тайны». Я никогда не забывал те слова, тем более что с годами он сам становился более странным, а его поведение делалось все более необъяснимым и непонятным.

Почему после всех этих лет мы все еще так очарованы Майклом Джексон? Дело в его впечатляющем таланте? Разумеется, отчасти в нем. Его голос мгновенно узнаваем, как и фирменные танцевальные движения. Так же как на него повлияли предшественники (например, Джеки Уилсон и Джеймс Браун), он стал кумиром для целого поколения артистов. Когда вы смотрите выступление Джастина Тимберлейка, разве он не напоминает вам кого-то еще?

Майкл является важным мерилем для многих из нас. Поскольку он был знаменит более тридцати лет, некоторые могут отмечать собственные этапы определенными вехами его жизни. Кое-кто достаточно взрослый, чтобы помнить, каким необыкновенно очаровательным и потрясающим солистом The Jackson 5 он был, а кто-то даже может вспомнить, где находился, когда братья обрели популярность. Мы помним, как впервые увидели на сцене или на экране его магическую «лунную походку»; мы помним день, когда впервые увидели видео «We are the World», с которым он возглавил звездный состав первой благотворительной акции подобного рода в Соединенных Штатах; мы помним его потрясающие выходы на концертах и новаторские клипы.

Сказать, что Майкл невероятно преуспел в своей карьере, – значит признать очевидное. Однако, каким бы выдающимся и легендарным ни было его мастерство, именно его личная жизнь интересовала многих из нас гораздо сильнее.

Мы, вероятно, помним, как впервые сталкивались с каждым из его новых обликов и задавались вопросом: что, черт возьми, этот мальчик делает со своим лицом?

Вы когда-нибудь задумывались, был ли он натуралом? Или геем? Или асексуалом?

Что вы подумали, когда впервые услышали, что его обвиняют в педофилии?

Вы помните, как смотрели его эмоциональное обращение из Неверленда, когда он сказал: «Полиция сфотографировала мое тело, в том числе мой пенис, мои ягодицы, нижнюю часть туловища, бедра и все части тела, которые они пожелали»?

А как насчет Лизы Мари Пресли и Дебби Роу, его загадочных бывших жен? Вы когда-нибудь задумывались об истинной природе их взаимоотношений?

Теперь у него есть дети, и он заставляет их надевать маски на публике.

«Каково это – когда ты один и внутри тебя холод?» – спросил Майкл в своей песне *Stranger in Moscow*. В самом деле, интересно, как, черт возьми, он превратился в того, кем он является сегодня?

Конечно, всем заправляет слава. Это удивительный феномен, по-настоящему с ним сталкивались только знаменитости. Однако задайте себе вопрос: если бы вся ваша жизнь разыгрывалась под тяжелыми и пристальными взглядами, еще более мучительными из-за жестокости отца, кем бы вы стали? Что, если бы обожающая публика инфантилизировала и любила в вас главным образом талантливого подростка? Как думаете, остались бы вы инфантильным? Могли бы вы взбунтоваться от разочарования и отчаяния и начать делать все что вздумается, не задумываясь о логике своих решений, здравом смысле и уместности поведения?

Что, если бы в придачу у вас было непомерное богатство, дающее возможность компенсировать самые потаенные слабости и удовлетворить желания любыми имеющимися в вашем распоряжении средствами, какими бы крайними они ни были, и когда никто не осмелился бы бросить вам вызов? Не нравится цвет вашей кожи? Изменим. Никогда не было настоящего детства? Привет Неверленду. Хотите спать в одной постели с мальчиками? Нет проблем. Не нравится, как вы выглядите? Подправим лицо. Все еще не нравится? Сменим на другое лицо, а потом на третье – и так пока не устроит.

Почему он не способен увидеть, что с ним происходит? – говорим мы о Майкле. Почему он *не понимает*? Как бы то ни было, каким он себя видит? Королем поп-музыки, новатором, непонятым музыкальным гением, чья карьера началась еще в глубоком детстве? Или незащищенным, в сущности, несчастным взрослым, у которого достаточно денег и власти, чтобы делать все, что ему нравится, и оставаться безнаказанным? Пожалуй, одно можно сказать наверняка: если бы вы были стопроцентным сочетанием того и другого, то велики шансы, что вы были бы как... Майкл Джексон.

Часть первая

Вступление

Пасторальному городу Лос-Оливос в округе Санта-Барбара немногим больше ста лет. Если турист захочет окунуться в местную историю, ему стоит посетить таверну Маттеи, построенную в 1886 году. Один из многих памятников ушедшей эпохи, это место служило остановкой для дилижансов. В эпоху, когда единственным средством передвижения был конный экипаж, гости находили здесь ночной приют во время своих путешествий. Там также располагалась станция узкоколейной железной дороги Тихоокеанского побережья, построенной в 1880-х годах, на случай, когда путешествие по суше вдоль побережья менялось от трудного до невозможного. Во времена расцвета эта местность простиралась на семьдесят пять миль от территории, которая некогда именовалась Харфорд-Уорф в заливе Сан-Луис, к югу от Лос-Оливоса. Путники оставались переночевать у Маттеи, чтобы на следующий день продолжить путь в Санта-Барбару на дилижансе. Сегодня здесь находится Музей карет, знакомящий всех желающих с историей региона. Бывший водопой ныне являет собой очаровательную закусочную Brothers Restaurant at Mattei's Tavern.

Однажды в музее появился странного вида мужчина с мальчиком, девочкой и младенцем. Его сопровождали две женщины, смотревшие за детьми, – возможно, няни. Одна из них прижимала к себе ребенка в одеяле. Кроме того, с ними был помощник, мужчина двадцати с небольшим лет. Он рыскал взглядом, в полной боевой готовности, зорко следя за происходящим вокруг.

Мужчина постарше, в темно-фиолетовой шелковой хирургической маске, шляпе поверх черных волос и огромных солнечных очках, остановился перед одним из экранов с фотографиями. «Принс! Пэрис! – воскликнул он. – Идите сюда! Поглядите-ка». Малыши подбежали к нему. Человек указал на изображение бледным тонким пальцем, на кончик которого был намотан пластырь, и прочел сопроводительное описание. Его высокий голос звучал поучительно. В середине текста он посоветовал мальчику слушать внимательнее, настаивая, что «это важно». Группа перешла от первого экрана к следующему, мужчина в маске читал каждое описание, увещевая детей не отвлекаться.

После экскурсии они с удовольствием перекусили в ресторане. Они смеялись, шутили на личные темы и казались огороженными от всего вокруг, не замечая существования кого-либо за пределами их крохотного мира. Человек в маске ел, не снимая ее полностью, лишь чуть-чуть опустив. Местные жители старались не обращать внимания на необычных посетителей. Однако было трудно не смотреть на них, тем более дети тоже были в масках – правда, не хирургических... а в карнавальных. Они сняли их, чтобы поесть, а затем надели снова, спрятав лица.

В начале 1900-х годов в тридцати милях от побережья Тихого океана была построена новая железнодорожная линия. Из-за того, что она обошла Лос-Оливос стороной, население некогда процветающего города сократилось. Город обрел второе дыхание лишь благодаря притоку туристов, наблюдающемуся в последние двадцать лет. Сейчас здесь есть индейская резервация и игорное казино, а также спа-салоны и ультрасовременные лечебные центры. Небольшие местные художественные галереи, антикварные магазины, сувенирные лавки, бутики и винодельни процветают в отреставрированных зданиях в западном стиле.

Однажды днем мужчина в маске посетил одну из художественных галерей. «Не правда ли, *эта* картина просто идеально смотрелась бы в спальне?» – спросил он юного помощника. В руках мужчина держал небольшую картину маслом с изображением двух ангелов, парящих в воздухе над спящим ребенком. Помощник кивнул. «Эй! – мужчина в маске подозвал кура-

тора. – Сколько вы хотите за нее?» Поговорив с ним, человек подошел к помощнику и что-то прошептал ему на ухо. «Хорошо, очень хорошо, – сказал он наконец владельцу магазина. – Я беру ее».

Владелец нацарапал цифры на листе бумаги и протянул его молодому человеку, доставшему из бумажника пачку банкнот. Он отсчитал необходимую сумму.

«Нет, постойте! Это слишком дорого, – сказал человек в маске, внимательно наблюдавший за происходящим. – Я думал, вы сказали, что она стоит сто долларов, а не сто шесть долларов с мелочью». Начались торги. «Что? Налог? Серьезно? За *это*?» – мужчина сделал вид, что усердно думает. «Ладно, – решил он, отложив картину, – в любом случае спасибо».

Как вдруг переговоры вступили в новую силу.

«Серьезно? Пусть так. Сто долларов».

Мужчина в маске снова посмотрел на картину. «Боже мой, не правда ли, она так прекрасна? – пробормотал он, беря ее в руки. – То, как дети на ней... *защищены*. Так мило». Когда они с помощником выходили из галереи, мужчина обернулся и прокричал владельцу: «Хочу, чтобы вы знали: я считаю вас замечательным человеком и желаю вам огромной удачи с вашим магазином! Я еще вернусь».

Лос-Оливос – территория, где расположено примерно пятьсот лошадиных ранчо, дома в викторианском стиле и около двух десятков предприятий. Тысяча человек, а может и меньше, называют это глухое захолустье своим домом (меньше дюжины из них черные), включая одного необычного жителя, единственного мужчину в городе, который носит маску: Майкла Джозефа Джексона.

Горная дорога Фигероа ведет вверх через густо поросшую и холмистую долину Санта-Инес в Лос-Оливосе. Мужчина продает яблоки под старым зеленым тенистым деревом на обочине дороги из года в год. Каждый день он сидит и ничего не делает, только продает фрукты, наслаждается днем и жарится на солнце. Вот такое место.

В полумиле от дороги, за внушительными дубовыми воротами находится горная дорога Фигероа 5225, массивный двухуровневый фермерский дом в датском стиле с кирпичными и каменными стенами, перекрытыми деревянными балками. Здесь живет Майкл Джексон.

Поместье площадью 2700 акров (почти 11 км²) когда-то было известно как ранчо Сикамор – ранчо для разведения овса и содержания крупного рогатого скота. Его выставили на продажу за 35 миллионов долларов; Майкл приобрел его за 17 миллионов долларов в мае 1988 года. После этого он сменил название на Neverland Valley Ranch, или Неверленд, как дань уважения Неверленду из книги о Питере Пэне. Первоочередной задачей для Майкла было построить на участке собственный парк развлечений, включающий карусель, гигантскую горку, железную дорогу с поездом и даже колесо обозрения. С теми деньгами, что он имел, он мог осуществить практически все, что хотел... и поступил именно так.

Райский уголок купается в зелени. Старомодные ветряные мельницы венчают пейзаж. В величии присутствует утонченная плавность; тысячи деревьев отбрасывают мягкие тени на великолепно ухоженные газоны, искусственное голубое озеро площадью пять акров (20,2 км²) с бесшумным пятифутовым водопадом и изящным мостом. Именно здесь, среди бесконечной тишины тихой, холмистой, идиллической сельской местности, Майкл Джексон создал собственный мир, убежище, чтобы оградить себя от постоянного давления и преследующих его проблем.

В двух тысячах миль к востоку, в грязном промышленном городе Гэри, штат Индиана, на углу стоит небольшой дом с двумя спальнями и одной ванной, облицованный кирпичом и алюминием. Собственность на Джексон-стрит, 2300, имеет около ста футов (около 30 м) в глубину и пятьдесят футов (около 15 м) в ширину. Нет ни гаража, ни зеленой травы. Густые клубы дыма поднимаются вверх от близлежащих заводов; он проникает в атмосферу таким образом, что человек, дышащий воздухом, чувствует себя немного... нездоровым. В 1950 году

Джозеф и Кэтрин Джексон, родители Майкла, купили этот дом за 8500 долларов с первоначальным взносом в 500 долларов.

В том преимущественно черном районе будущий король поп-музыки провел детство, здесь же выросли его братья и сестры: Морин, Джеки, Тито, Джермейн, Ла Тойя, Марлон, Джанет и Рэнди.

Как и большинство родителей, Джозеф и Кэтрин хотели, чтобы их дети были успешны. В начале 1950-х лучшее, что они могли дать отпрыскам, – это две спальни и одна ванная на одиннадцать человек да одежда и обувь из секонд-хенда. Супруги надеялись, что после окончания средней школы старшие найдут постоянную работу, возможно на заводе... если только не смогут добиться большего.

Однако когда Джексоны обнаружили в детях музыкальные таланты, их мечты стали смелее: они решили, что мальчики с редкими вокальными и танцевальными способностями будут выигрывать конкурсы, и тогда их заметят.

Как только сыновья записали первые альбомы, воображение родителей разыгралось: большое поместье в Калифорнии; прислуга на побегушках; шикарные автомобили каждому; костюмы-тройки, кольца с бриллиантами и культ личности Джозефа; норковые шубы, драгоценности и выход в свет Кэтрин. Они мечтали, как включат телевизор и увидят своих знаменитых детей исполняющими собственные хиты для восторженной толпы. Джексоны полагали, что благодаря известности мальчиков вся семья станет узнаваема, востребована, будет позировать фотографам, раздавать автографы. Они *все* станут звездами и заживут в чудесном мире. Больше никаких забот, обо всем уже позаботился счастливый случай.

Не слишком ли многого они хотели? На тот момент все это наверняка казалось хорошей идеей. Однако, как гласит мудрость, бойтесь своих желаний, они имеют свойство сбываться.

Джозеф и Кэтрин

Джозеф Уолтер Джексон родился 26 июля 1929 года в семье Сэмюэля и Кристал Джексон в Фаунтин-Хилл, штат Арканзас. Он был старшим из пяти детей; его сестра Верна умерла в возрасте семи лет. Сэмюэль, учитель средней школы, был суровым неуступчивым человеком, который воспитывал детей железной рукой. Им не разрешалось общаться с друзьями за пределами дома. «В Библии сказано, что плохое общество негативно влияет на юные умы», – объясняла им Кристал.

«Сэмюэль Джексон любил свою семью, но был замкнут, и до него с трудом получалось достучаться, – вспоминал один из родственников. – Он редко проявлял теплоту к близким, поэтому его не понимали. Люди думали, что он толстокожий, но Сэм был чувствительным человеком, не знавшим, как выразить свои эмоции. Джозеф во многом унаследовал поведение отца».

Сэмюэль и Кристал развелись, когда Джозеф был подростком. Сэм переехал в Окленд, взяв с собой сына, а Кристал увезла брата и сестер Джозефа в Восточный Чикаго. Когда Сэмюэль женился в третий раз, Джозеф решил присоединиться к матери, брату и сестрам в Индиане. Он бросил школу в одиннадцатом классе и стал боксером, участвующим в любительском турнире «Золотые перчатки»¹. Вскоре после этого на вечеринке по соседству он повстречал Кэтрин Эстер Скруз. Она была хорошенькой миниатюрной девушкой. Джозефа привлекли ее приветливый характер и теплая улыбка.

Кэтрин родилась 4 мая 1930 года, ее окрестили Кэтти Б. Скруз в честь тети по отцовской линии. (В детстве малышку звали Кейт или Кэти, так же сейчас к ней обращаются близкие.) Девочка родилась в семье Принса Альберта Скруз и Марты Апшоу в округе Барбур, в нескольких милях от округа Рассел, штат Алабама. Этот сельский фермерский район был домом для ее семьи на протяжении поколений. Ее родители поженились, а в 1931 году у них родился еще один ребенок, Хэтти.

Принс Скруз работал на семинолской железной дороге, а также арендовал хлопковую ферму, как когда-то дед и прадед Кэтрин, Кендалл Браун. Тот, что каждое воскресенье пел в церкви округа Рассел и прославился благодаря своему голосу, а раньше был рабом в семье Скрузов в Алабаме. Их фамилию в итоге он взял себе.

«Люди говорили мне, что, когда открывались окна церкви, голос моего прадеда разносился по всей долине, – вспоминала Кэтрин. – Он просто перекрывал все остальные голоса. И когда я это услышала, то сказала себе: „Наверное, это у нас в крови”».

Когда Кэтрин было восемнадцать месяцев, она заболела полиомиелитом, который в то время часто называли детским параличом, часто поражающим детей. Тогда еще не существовало вакцины, и многие малыши – как, например, сестра Джозефа Верна – умерли от этого заболевания либо навсегда остались калеками.

В 1934 году Принс Скруз переехал с семьей в Восточный Чикаго, штат Индиана, в поисках постоянной работы. Он работал на сталелитейных заводах, прежде чем найти работу носильщиком у Пуллмана на Центральной железной дороге Иллинойса. Меньше чем через год Принс и Марта развелись; Марта осталась в Восточном Чикаго с маленькими дочерьми.

Из-за полиомиелита Кэтрин превратилась в застенчивого и замкнутого ребенка. Ее часто дразнили одноклассники. Она не вылезала из больниц. Не имея возможности окончить среднюю школу, она пошла на курсы для взрослых и все-таки получила аттестат. До шестнадцати лет она носила корсет или использовала костыли. Сегодня женщина по-прежнему прихрамывает.

¹ Самый престижный турнир по любительскому боксу, проходящий на территории США. (Прим. ред.)

Ее светлые детские воспоминания всегда были связаны с музыкой. Вместе с сестрой Хэтти они выросли, слушая по радио музыкальные передачи в стиле кантри и восхищаясь такими звездами, как Хэнк Уильямс и Эрнест Табб. Они были членами школьного оркестра, церковного юношеского оркестра и школьного хора. Кэтрин, певшая еще и в местной баптистской церкви, мечтала о карьере в шоу-бизнесе: сначала она хотела стать актрисой, потом – вокалисткой.

Встретив Джозефа, Кэтрин сразу же влюбилась. В тот момент он был женат на другой, но это не продлилось больше года. После его развода Кэтрин и Джозеф начали встречаться, и вскоре пара обручилась. Она была окутана его чарами, покорена его харизмой, обезоружена его обаянием, его внешностью, его силой. Парень был весьма властным, стараясь контролировать абсолютно все, и девушка почувствовала, что будет с ним как за каменной стеной. Кэтрин нравились его истории, она смеялась над его шутками. У Джозефа были большие, широко расставленные глаза необычного карего цвета, почти изумрудные. Глядя в них, она забывала обо всем; и это было именно то, чего ей хотелось. Как говорила сама Кэтрин: «Я абсолютно потеряла голову».

Во многом они были противоположностями: Кэтрин – мягкая, Джозеф – суровый; Кэтрин – разумная, Джозеф – вспыльчивый; она – романтическая, он – прагматичный. Однако в остальном химия была на их стороне.

Они оба были музыкантами: Джозеф – гитаристом-блюзменом, Кэтрин – поклонницей кантри, игравшей на кларнете и фортепиано. В период ухаживаний холодными зимними вечерами возлюбленные прижимались друг к другу и пели рождественские гимны. Иногда они сочиняли гармонии, благодаря красивому сопрано Кэтрин композиции выходили на ура. Майкл Джексон чувствовал, что унаследовал свои певческие способности от матери. Он рассказывал, что его самые ранние воспоминания – как мать держала его на руках и пела «Ты мое солнце» («You Are My Sunshine») и «Хлопковые поля» («Cotton Fields»).

5 ноября 1949 года в Краун-Пойнте, штат Индиана, мировой судья поженил двадцатилетнего Джозефа и девятнадцатилетнюю Кэтрин после шестимесячной помолвки.

Женщина рассказывала, что на нее так повлиял развод родителей и жизнь в неблагополучной семье, что она пообещала себе: как только найдет мужа, то останется замужем, независимо от трудностей, которые встретятся им на пути. Хотя, что касается Джозефа, казалось, ей не о чем было беспокоиться. Он относился к ней уважительно и был очень внимателен. Ей нравилось общество мужа; он мог рассмешить ее так, как никто и никогда раньше. Важно отметить и то, что между ними существовала сильная сексуальная связь. Джозеф был страстным человеком; как и Кэтрин, хоть и в меньшей степени. Однако молодые люди были влюблены, подходили друг другу, и это работало на них.

Молодожены поселились в Гэри, штат Индиана. Их первый ребенок, Морин по прозвищу Ребби (произносится как Рйби), родился 29 мая 1950 года. Остальная часть потомства не заставила себя долго ждать. 4 мая 1951 года, в двадцать первый день рождения Кэтрин, она родила Зигмунда Эско по прозвищу Джеки. Два года спустя, 15 октября 1953 года, родился Тариано Адарил; его звали Тито. За ним последовали: Джермейн ЛаЖуан 11 декабря 1954-го; Ла Тойя Ивонн 29 мая 1956-го; Марлон Дэвид 12 марта 1957-го (один из недоношенных близнецов; второй, Брэндон, умер почти сразу после рождения); Майкл Джозеф 29 августа 1958 года (по словам матери, «со смешной головой, большими карими глазами и длинными руками»); Стивен Рэндалл 29 октября 1961-го и, наконец, Джанет Дамета 16 мая 1966 года.

Начало

Для начала поговорим о тесноте... Когда-то, в забытые богом времена, все одиннадцать членов семьи Джексонов жили на Джексон-стрит, 2300. «Пройдя пять шагов от входной двери, вы оказывались у заднего выхода, – говорил Майкл о доме. – Дом на самом деле был не больше гаража».

Кэтрин и Джозеф занимали спальню с двуспальной кроватью. Мальчики ютились во второй и последней спальне в доме на трехместной двухъярусной кровати: Тито и Джермейн делили кровать наверху, Марлон и Майкл – посередине, а Джеки спал внизу в одиночестве. Три девочки спали на раскладном диване в гостиной. Когда родился Рэнди, он поселился на втором диване. В особенно холодные зимние месяцы семья собиралась вместе на кухне перед открытой духовкой.

«Для всех нас находилась работа по дому, – вспоминает Джермейн. – Всегда было чем заняться – натереть полы, помыть окна, заняться работой в саду. Тито мыл посуду после обеда. Я ее вытирал. Ребби, Джеки, Тито и я занимались глажкой, и нас не выпускали из дома, пока мы не заканчивали работу. Мои родители верили, что труд облагораживает. Мы рано познали чувство удовлетворения от проделанной работы».

Джозеф работал крановщиком на заводе Inland Steel в Восточном Чикаго с четырех часов до полуночи. Одно из ранних воспоминаний Майкла об отце – как он возвращается с работы с большим пакетом глазированных пончиков для всех. «Работа была тяжелой, но стабильной, было грех жаловаться», – говорил Джозеф. Однако денег никогда не хватало. Джозеф редко зарабатывал больше шестидесяти пяти долларов в неделю, несмотря на регулярную подработку сварщиком. Семья научилась так жить. Кэтрин сама шила детям одежду или закупалась в магазине Армии Спасения. Они ели простую пищу: на завтрак – бекон и яйца; на обед – сэндвичи с яйцом и болонской колбасой, иногда томатный суп, на ужин – рыбу и рис. Кэтрин любила печь на десерт персиковые коблеры и яблочные пироги.

Сохранилось мало школьных фотографий детей Джексонов, потому что они не могли себе позволить купить их после того, как позировали. Первые пять лет, что они жили на Джексон-стрит, в семье не было телефона. Когда в четыре года Джермейн заболел нефритом, воспалением почек, и его госпитализировали на три недели, это сильно ударило по Кэтрин и Джозефу как в финансовом, так и в эмоциональном плане.

Всякий раз, когда мужчину увольняли, он подрабатывал, собирая картофель, и тогда семья досыта наедалась картофеля, вареного, жареного или печеного.

«Я не был доволен, – вспоминал Джозеф Джексон. – Что-то внутри меня подсказывало, что в жизни есть нечто большее. Сильнее всего на свете я хотел найти путь в музыкальный бизнес». Вместе с братом Лютером и тремя другими музыкантами они образовали ритм-н-блюз-группу The Falcons, обеспечивавшую дополнительный доход их семьям за счет выступлений в небольших клубах и барах. Трое старших сыновей Джозефа – Джеки, Тито и Джермейн – были очарованы музыкой, которую играл их отец, и присутствовали на домашних репетициях. (Майкл, впрочем, The Falcons не помнит.)

Тем не менее The Falcons не имели коммерческого успеха. Когда они распались, Джозеф спрятал свою гитару в спальне в шкафу. Этот струнный инструмент был единственным свидетелем его несбывшейся мечты, и он не хотел, чтобы кто-нибудь из детей прикасался к нему. Майкл называл кладовку «священным местом». Иногда Кэтрин снимала гитару с полки и играла на ней детям. Они собирались в гостиной и все вместе пели песни в стиле кантри: Wabash Cannonball и The Great Speckled Bird.

После того как группа распалась, Джозеф не находил себе места. Работая дополнительную смену на Inland Steel и дневную смену на American Foundries, он знал только, что хочет

лучшего для себя и своей семьи. Это было в начале 1960-х, и «все, кого мы знали, были участниками вокальных групп», – вспоминал Джеки. «Как будто пойти и присоединиться к группе было неким обязательным жизненным этапом, – продолжал он. – Создавались бэнды и вокальные группы. Я хотел быть в вокальной группе, но нам не разрешали тусоваться с другими детьми. Тогда мы начали распевать на весь дом. Вскоре у нас сломался телевизор, и мама уже сама стала заставлять нас петь. А однажды, когда отец ушел на работу, мы прокрались в его спальню и взяли ту самую гитару».

«Я тоже играл на ней, – признавался Тито. – Мы были вместе с Джеки и Джермейн. Пели, разучивали новые песни, а я играл. Однажды пришла мама, и мы разом замерли, типа „ой-ой, нас застукали“, но она ничего не сказала. Просто разрешила нам продолжать».

«Я не хотела мешать им, потому что это было очень талантливо», – объясняла Кэтрин позже.

Так продолжалось несколько месяцев, пока однажды Тито не порвал струну на гитаре. «Я знал, что у меня будут проблемы, – вспоминал он. – У *всех нас* будут проблемы. Отец был суровым человеком, и мы его боялись. Поэтому я спрятал гитару обратно в шкаф и надеялся, что он не догадается о том, что произошло. Но папа догадался и *унизил* меня – выпорол. Несмотря на то что мать солгала, будто разрешила мне играть на гитаре». Когда Тито рассказывает эту историю, голос не слушается его, он становится сдавленным. Спустя много лет все еще чувствуются его переживания. «Она просто не хотела, чтобы меня порол, – произносит он с грустью. – Только не это».

«Когда отец остыл после случившегося, он вошел в комнату. Все еще плача на кровати, я произнес: „Знаешь, я ведь могу играть на той штуке. Я правда умею“. Он посмотрел на меня и сказал: „Хорошо, покажи, что ты умеешь, умник“. И я сыграл. А Джермейн и Джеки подпевали. Джозеф был поражен. Он понятия не имел, ведь это был страшный секрет, который мы скрывали от него, потому что очень сильно его боялись».

Позже Джозеф признался, что момент, когда сыновья открыли ему свой талант, принес ему огромную радость. «Я решил оставить музыку сыновьям, – сказал он много лет спустя. – У меня была мечта, связанная с ними. Я представлял, как дети будут радовать публику, делясь своим талантом, возможно унаследованным от меня». Казалось, оглядываясь в прошлое, он был тронут собственными словами. «Я просто хотел, чтобы они кем-то стали. Это все, чего я хотел», – добавил он.

На следующий день Джозеф ушел на работу и той же ночью вернулся домой, что-то пряча за спиной. Он подозвал Тито и протянул ему коробку. В ней была красная электрогитара. «А теперь давайте порепетируем, мальчики», – сказал Джозеф, широко улыбаясь. Он собрал троих сыновей – девятилетнего Джеки, семилетнего Тито и шестилетнего Джермейна, – и они играли все вместе. «Мы никогда не были так близки, – вспоминал Тито. – Как будто наконец нашли что-то общее. Марлон и Майк наблюдали за нами, сидя в углу. Мама давала советы. Я заметил, что родители были счастливы. Мы все были счастливы. Мы обнаружили нечто особенное».

В 1960-е годы жизнь в Гэри была суровой, и район Джексонс подчас оказывался опасным местом для молодежи. Кэтрин и Джозеф жили в постоянном страхе, что один из их детей пострадает на улице. «Родители всегда защищали нас, – вспоминал Джеки. – Нам никогда не разрешали веселиться на улице, как другим детям. У нас был строгий комендантский час. Только в школе нам представлялась редкая возможность поиграть со сверстниками. Нам нравилось то, что в школе мы можем общаться с другими ребятами».

Кэтрин Джексон, оказывавшая значительное влияние на детей, передала им глубокое и непреходящее уважение к отдельным религиозным убеждениям. Она была баптисткой, а затем лютеранкой, но отвернулась от обеих религий по одной и той же причине: узнала, что у некоторых служителей церкви были внебрачные связи. Когда Майклу было пять лет, Кэтрин стала

членом «Свидетелей Иеговы»², в новую религию ее обратил коммивояжер. Она крестилась в 1963 году в бассейне школы Рузвельт в Гэри. С тех пор женщина просила, чтобы каждое воскресенье родные надевали лучшие костюмы и шли с ней в Зал Царства, место культа. Джозеф, воспитанный в лютеранской вере, пару раз сопровождал жену, чтобы успокоить ее, но перестал это делать, когда дети были еще маленькими, потому что, как говорит Марлон, «там было скучно». Со временем Майкл, Ла Тойя и Ребби станут самыми преданными адептами своей религии.

Будь это любая другая организация, а не «Свидетели Иеговы»*, Майкл Джексон, вероятно, стал бы совершенно другим человеком. Идеология «Свидетелей Иеговы» настолько отличалась от привычного протестантизма, что иногда их считали сектой, особенно в 1950–1960-е годы. Независимо от места жительства, ни один последователь «Свидетелей» не будет салютовать флагу (они воспринимают это как идолопоклонство) или служить в каких-либо вооруженных силах (любой член организации считается священнослужителем и, следовательно, освобожден от воинской повинности). Они не празднуют Рождество, Пасху или дни рождения. Обычно они не жертвуют деньги кому-либо за пределами своей церкви, потому что считают проповедование Евангелия самым стоящим благотворительным делом. Члены «Свидетелей Иеговы» периодически оказываются в новостях, потому что отказываются от переливания крови для себя или своих детей, независимо от тяжести болезни.

Согласно учению люди, вступившие в организацию, могут считаться «овцами»; все остальные – «козлами». Когда же начнется Армагеддон – великая битва ожидалась в 1972 году, а затем в 1975 году, – в одно мгновение все «козлы» будут уничтожены, а «овцы» спасены. Затем последние воскреснут к жизни на земле как подданные Царства Божьего. Ими будут править Христос и избранная группа из 144 000 «свидетелей», живущих на небесах подле Христа. По прошествии тысячи лет Сатана придет искушать живущих на земле. Тех, кто поддастся его хитростям, немедленно уничтожат. Остальные будут жить в полной идиллии. Конечно, как и те, кто придерживается определенных религиозных убеждений, некоторые члены организации более категоричны в отношении идеологии, чем другие.

По оценкам, от 20 до 30% членов «Свидетелей Иеговы» – чернокожие. Людей судят исключительно по их добрым делам – миссионерству или хождению по домам и обращению в веру, – а не по новым машинам, большим домам, дорогой одежде и другим признакам высокого положения в обществе. Из-за своей преданности «Свидетелям Иеговы» Кэтрин в основном была довольна тем, что имела. Она радовалась жизни. Беспокоило ее только одно: город не обещал иного будущего для ее детей, кроме как работа на заводах для мальчиков и домашнее хозяйство для девочек. Так ли уж это плохо? Да, говорил ей Джозеф, безусловно. Иногда его жена соглашалась с ним. А иногда и не знала, что думать.

Каждый день, хотели они того или нет, мальчики репетировали по меньшей мере три часа: единственной мыслью Джозефа было увезти свою семью из Гэри.

«Когда я узнал, что мои дети хотят стать артистами, я действительно занялся ими, – уверял Джозеф Джексон в интервью Time. – Когда другие играли на улице, мои мальчики работали дома, пытались научиться чему-то в жизни, добиться своего».

Занятия музыкой, возможно, и сплотили Джексонсов как семью, но вместе с тем создали пропасть между Джексонами и их соседями. «Люди и без того считали нас странными из-за религии, – вспоминал Джеки. – А потом упрочили свое мнение. Они говорили: „Эй, посмотрите на этих Джексонсов. Они думают, что они особенные“. Все остальные тогда собирались то

² «Свидетели Иеговы» признаны в России экстремистской (решение Верховного Суда Российской Федерации от 20.04.2017, апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 17.07.2017; часть 4 статьи 9 Федерального закона от 25.07.2002 № 114–ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»).

там, то сям и пели со своими группами. Но нам было нельзя. Приходилось тренироваться дома. Поэтому другие ребята думали, что мы слишком задирали нос, чтобы петь с ними на углу».

Репетиции по-прежнему проводились дважды в день, до школы и после нее, даже несмотря на то, что соседи считали, что Джексоны зря теряют время. Пока они репетировали, через открытые окна доносились голоса с улицы: «Эй, Джексоны, да вы – *ничто!*» В гостиную швыряли камни. Однако Джексонов это не волновало: они не обращали внимания на насмешки и продолжали репетировать, несмотря ни на что.

В 1962 году к группе присоединился пятилетний Марлон, он играл на бонго и пел, в основном мимо нот. (Марлон не умел ни петь, ни танцевать, но его все равно приняли в группу, потому что Кэтрин не позволила бы поступить с ним иначе.) Однажды, когда мальчики упражнялись, пока Джозеф был на работе, женщина наблюдала, как четырехлетний Майкл начал копировать Джермейна, исполнявшего песню Джеймса Брауна. Когда Майкл запел, его голос был таким сильным и чистым, что это поразило Кэтрин. Как только Джозеф вернулся домой, она уже ждала его у дверей, чтобы сообщить хорошую новость: «Я думаю, у нас есть еще один солист».

Джозеф бьет Майкла

Сегодня Майкл Джексон часто говорит о жестоком обращении, которому он подвергался со стороны отца. Когда в 2003 году во время неоднозначного интервью Мартину Баширу он вспомнил, как к нему относился папа, на глазах его мгновенно выступили слезы. «Это было ужасно, – говорил он о побоях, – просто ужасно». Наблюдая за Майклом, мыслями возвращавшимся в Гэри в те времена, когда отец бил его, испытываешь боль и сострадание. Без сомнения, спустя годы он все еще находится под влиянием детских травм.

Маленький Майкл был очаровательным ребенком. «Уже с ранних лет Майкл казался мне не похожим на остальных детей, – говорила Кэтрин. – Я не верю в реинкарнацию, но вы же знаете, как дискоординированно двигаются младенцы? А Майкл никогда так не двигался. Он «танцевал», словно взрослый человек».

Майкл всегда был развит не по годам. Его мать вспоминала, что в полтора года он держал бутылку и танцевал в ритме стиральной машины. Его бабушка Кристал Джонсон (позднее ее имя по замужеству) упоминала, что он начал петь, когда ему было около трех лет. «И что это был за чудесный голос, – восторгалась она. – Уже тогда его было приятно слушать».

Майкл был слишком чувствительным мальчиком, чтобы с ним обращались так, как его отец. Кроме того, он был очень проворным и принял решение избегать ссор с Джозефом. Тито вспоминал, что Майкл был «настолько быстр, что, если бы мать или отец в те времена замахнулись на него, он бы моментально убрался с их пути. Они бы просто промахнулись».

Джозеф верил, что грубая сила – ценный и полезный инструмент дисциплины. «Либо ты в жизни победитель, либо проигравший, – любил говорить он. – Ни один из моих детей не будет проигравшим». Он не задумываясь бил детей, чтобы удержать их на правильном пути к «победам». Для него было обычным делом размазать кого-то по стене, особенно когда речь шла о мальчиках. Между тем именно Майкл стал единственным ребенком в семье, который пытался отвечать, когда его провоцировал отец. Однажды, когда ему было всего три года, Джозеф за что-то отшлепал его. Рыдая, Майкл снял с себя ботинок и швырнул его в отца. Джозеф пригнулся, ботинок пролетел мимо.

«Ты с ума сошел? – крикнул мужчина. – Сопляк, ты только что подписал себе смертный приговор. А ну, иди сюда!»

В ярости Джозеф схватил Майкла и, по словам Марлона, держа его за одну ногу вниз головой, снова и снова ударял рукой, целясь по спине и ягодицам. Вскоре вопли и плач стали так пронзительны, что могло показаться, будто ребенок пытается призвать на помощь всю округу.

«Отпусти его, Джозеф, – вскрикнула Кэтрин. – Ты же убьешь его! Ты его убьешь!!!»

Когда отец отпустил мальчика, тот побежал в свою комнату и произнес, рыдая: «Я ненавижу тебя». Это оскорбило Джозефа. Он последовал за Майклом в спальню, захлопнул дверь и снова хорошенько задал ему.

«Как-то Джозеф запер сына в шкафу на несколько часов, – вспоминает друг семьи Джексон. – Это был ужасный, травмирующий опыт».

Кэтрин не знала, как примириться с отношением мужа к детям. Как мог мужчина, который временами был настолько нежным, что целовал кончики ее пальцев, меняться до неузнаваемости и бить детей? Его поведение было за гранью понимания богобоязненной женщины, но она не знала, что делать. Как бы она ни любила его, она боялась его. Время от времени она подавала голос, но делала это неохотно.

По правде говоря, Кэтрин также была мишенью для ярости Джозефа. Когда родилась Ребби, тот вечно находился на грани из-за постоянного недосыпания и тяжелого рабочего графика. В один день, вернувшись домой, он обнаружил плачущего ребенка и увидел, что Кэтрин

разговаривает с кем-то из соседей. Он выбежал за ней. «Ребенок орет во всю глотку», – закричал он. Кэтрин сразу же вернулась к малышке. «Мне очень жаль, Джозеф, – сказала она. – Я не знала, что она проснулась». Джозеф резко обернулся и ударил жену по лицу. «Моя щека онемела», – вспоминает Кэтрин. Ее реакция была мгновенной и яростной. Она взяла керамический подогреватель для бутылочек и швырнула в него вместе со всем содержимым. Прибор попал ему в предплечье и, расколовшись, оставил глубокий порез. Пока они спорили, из раны хлынула кровь. «Никогда больше не поднимай на меня руку, – предупредила его жена, – или не успеешь оглянуться, как я брошу тебя». Кэтрин говорит, что тот раз стал первым и последним, когда Джозеф ударил ее, но, по всей видимости, он обратил свой вспыльчивый характер на детей.

Когда Майклу было пять лет, он направлялся в комнату, как вдруг у него перехватило дыхание: Джозеф поставил ему подножку, и мальчик упал, окровавленный. «Это за то, что ты сделал вчера, – сказал отец. – А завтра ты получишь от меня за то, что натворишь сегодня».

Майкл заплакал. «Но я еще даже ничего не сделал», – пролепетал он сквозь слезы.

«Но ведь сделаешь, мой мальчик, – возразил Джозеф, – обязательно сделаешь».

С того самого дня когда бы маленький Майкл ни входил в комнату, он смотрел сначала налево, затем направо, как будто переходил улицу. Ребенок старался не встречаться лишний раз с отцом. Как мальчику жилось с таким страхом? «Я начал так сильно бояться этого человека, – вспоминал Майкл позже. – На самом деле, думаю, можно с уверенностью сказать, что я его ненавижу».

Певец говорил: «Отец всегда был для меня загадкой, и он это знает. Одна из вещей, о которой я жалею больше всего, – я никогда не мог почувствовать настоящую близость с ним». Честно говоря, ни один из детей Джексонсов никогда не знал «настоящей близости» с Джозефом, который почти не проявлял нежности. Иногда он брал мальчиков в походы и на рыбалку по выходным или учил их боксировать, чтобы они умели защитить себя, но никогда не обращал особого внимания на девочек. (В детстве Джанет любила залезать в кровать с матерью и отцом, но ей приходилось ждать, пока Джозеф уснет.)

Методы воспитания старшего Джексона были, мягко говоря, нетрадиционными. Всякий раз, когда мальчики оставляли окно своей спальни открытым на ночь, он выходил на улицу и забирался в их комнату, а затем кричал на них что есть мочи... лицо его скрывала страшная маска. Самые маленькие начинали плакать и задыхаться, напуганные до полусмерти. Почему отец так травмировал малышей? Джозеф объясняет, что он пытался продемонстрировать, почему нельзя оставлять окна открытыми на ночь. В конце концов, что, если грабитель проникнет в дом? Спустя много лет Майкл и Марлон все еще будут страдать от ярких ночных кошмаров о том, как их похищают из безопасных спален.

Достаточно сказать, что чем старше становился Майкл, тем сильнее он отстранялся от Джозефа, держась за мать, которую он боготворил, как будто от этого зависела сама его жизнь (возможно, так оно и было). «Даже имея девять детей, она относилась к каждому из нас как к единственному ребенку, – вспоминал он в 1991 году. – Благодаря нежности, теплоте и вниманию Кэтрин я и представить себе не могу, каково расти без материнской любви. [Любопытное заявление, учитывая, что оба его ребенка сегодня воспитываются без матери, Дебби Роу.] Ее уроки, преподанные нам, были бесценными. На первом месте для нее были доброта, любовь и внимание к другим людям».

Что же насчет Джозефа? «Меня тошнило всякий раз, когда я думал о нем», – подытоживал Майкл. В своем интервью Мартину Баширу в 2003 году он сказал, что у Джозефа голубые глаза. Видимо, они очень давно не встречались взглядами, так как глаза старшего Джексона ореховые, почти зеленые.

Забираясь на вершины

В 1963 году, в возрасте пяти лет, Майкл Джексон пошел в начальную школу Гарнетта. Кэтрин рассказывала, что он был до такой степени щедрым, что, случалось, брал украшения из ее комода и дарил их учительницам, выражая тем самым свои симпатии. Будучи упрямым, мальчик продолжал поступать так даже после того, как мать наказала его за то, что он раздавал ее личные вещи.

Одно из первых воспоминаний Майкла связано с его выступлением в пятилетнем возрасте, когда он а капелла исполнил для класса песню *Climb Ev'ry Mountain* из культового мюзикла «Звуки музыки». Не меньшее впечатление, чем талант, на детей произвела его уверенность в себе. Он сорвал овации. Учительница прослезилась. Кэтрин пришла на представление вместе с отцом Джозефа, Самюэлем, который был не самым сентиментальным человеком, но даже он был тронут до слез проникновенным выступлением Майкла. «Я не знаю, откуда у него это взялось, – говорила Кэтрин о певческом мастерстве сына. – Он был так хорош, так юн. Некоторые дети особенные, и Майкл один из них».

Пятилетний мальчик обладал такой энергией и харизмой, что Джеки, которому в то время было двенадцать, решил, что его младший брат станет лидером их бэнда. Для Майкла все было совершенно естественно, ему нравилось быть в центре внимания. Однако чувства Джермейна оказались задеты. Он являлся солистом группы и вдруг внезапно стал недостаточно хорош. Некоторые члены семьи предполагали, что одной из причин, по которой он заикался в детстве, была неуверенность в себе. Тем не менее Джермейн поддержал решение семьи, потому что Майкл явно был прирожденным артистом. В то же время стоит отметить, всегда казалось, что Джермейн соперничал с братом, часто пытаясь превзойти его, особенно будучи взрослым.

«Он стал великим маленьким подражателем, – вспоминал Джермейн. – Стоило ему что-нибудь увидеть, какой-то детский танец или, скажем, Джеймса Брауна по телевизору, – и вы получали точную копию. Майкл выучивал все наизусть и точно знал, как это использовать. А еще он любил танцевать. Марлон был хорошим танцором, может быть даже лучше Майка. Но Майку танцевать нравилось больше. Дома он постоянно репетировал. Всегда можно было застать его танцующим перед зеркалом. Он уединялся, чтобы тренироваться, а затем возвращался и показывал нам новое движение. Мы включили его в выступление. Майкл начал ставить хореографию наших номеров».

«Наконец-то пришло время принять участие в конкурсе талантов, – говорил Майкл. – Я помню все, словно это было вчера. Все в округе хотели попасть на шоу и выиграть приз. Мне было лет шесть, но уже тогда я понял, что ничего не дается просто так. Ты должен выиграть. Или, как пел Смоки Робинсон в одной из своих песен: „Ты должен заслужить“. Мы участвовали в конкурсе талантов в средней школе Рузвельта в Гэри. Спели песню *My Girl* The Temptations и взяли главный приз».

Мальчики также представили свое исполнение хита Роберта Паркера *Barefootin'*. Во время проигрыша в середине песни маленький Майкл скинул обувь и начал танцевать босиком по всей сцене на радость публике.

«Вскоре мы начали выигрывать все шоу талантов, в которых участвовали, – отмечал Майкл. – Просто двигались от одного конкурса к другому, забираясь все выше и выше. Весь дом был полон наград, и мой отец был очень горд. Наверное, именно там, в Гэри, когда мы выигрывали все эти конкурсы, я видел своих родителей по-настоящему счастливыми. Я думаю, что тогда, в самом начале, когда у нас за душой не было ничего, кроме нашего таланта, мы были наиболее близки».

К 1965 году Джозеф зарабатывал всего около 8 тысяч долларов в год, работая на заводе полный рабочий день. Кэтрин подрабатывала продавщицей в сети универмагов *Sears*. Когда

Джозеф захотел тратить больше денег на группу (на музыкальное оборудование, усилители, микрофоны), жена забеспокоилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.